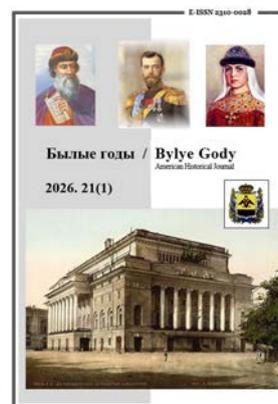

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 181-192
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.181

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Political Economy of the Golden Horde in Russian Historiography of the 19th and early 20th centuries

Nurtas T. Abdimomynov ^a, Duken Masimkhanuly ^b, Ainur Abidenkyzy ^b, Bolatbek Sh. Batyrkhan ^{c, *}

^aInternational Information Technology University (IITU), Almaty, Republic of Kazakhstan

^bR.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

^cAl-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This paper analyzes the evolution of interpretations of the political economy of the Golden Horde in pre-revolutionary Russian Historiography. It aims to reconstruct and systematize pre-revolutionary views on the key institutions of the Horde's political economy and to identify their methodological foundations. The source base comprises works by historians of the state-centered tradition (N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, V.O. Kliuchevsky, among others), orientalists and specialists in source studies (I.N. Berezin, G.S. Sablukov, V.G. Tiesenhausen, among others), representatives of the numismatic–archaeological line (C.M. Fraehn, V.V. Grigoriev, P.S. Saveliev, A.K. Markov, among others); as well as authors of the Genoese-Venetian historiographical line (P.I. Keppen, N.N. Murzakevich, M.M. Kovalevsky, among others). The paper shows that, within these four directions, Russian scholars consistently investigated tribute and taxation practices, mechanisms of monetary circulation, the regulation of trade, and the dynamics of trans-Eurasian transit. Thus, the political-economic dimension of the Golden Horde was conceptualized not within a single research line, but through a set of complementary approaches. It has been argued that, despite the absence of an integrated model of the Horde's economic rationality, pre-revolutionary authors created a solid empirical and source-critical foundation by introducing and systematizing yarlyks, Eastern narrative sources, acts of Genoese and Venetian colonies, and numismatic materials.

Keywords: Golden Horde, Political economy, Russian historiography, Mongol-Tatar yoke, tribute system, Oriental studies, Numismatics, Black Sea trade.

1. Введение

Политическая экономия Золотой Орды была одним из ключевых факторов институционально-экономической динамики евразийского пространства в XIII–XIV вв. В этот период налогово-даннические механизмы, система денежного обращения, контроль Золотой Орды над региональной и трансконтинентальной торговлей, а также поддержание инфраструктуры обеспечивали относительную устойчивость ордынского порядка на пространствах от Поволжья и Северного Причерноморья до Хорезма и Восточной Европы (Набиев, 2012: 3-25; Abdimomynov et al., 2024: 685-695; Калан, 2012: 17-44). Поэтому уже со второй четверти XIX в. российские исследователи начали целенаправленно изучать политико-экономические аспекты Золотой Орды, прежде всего в контексте русско-ордынских отношений. Так, Н.М. Карамзин выделял особенности ордынской экономики (развитую торговлю) и позитивные эффекты «ордынских налогов» (Карамзин, 1892: 233, 235; Набиев, 2014: 23). С.М. Соловьёв сформулировал значимые наблюдения о денежном обращении и налоговой практике сбора дани на русских землях (Соловьёв, 1960: 158-160, 370, 492-493). Значимость торговли подчёркивали также В.В. Бартольд, Г.С. Саблуков, П.И. Кешпен,

* Corresponding author

E-mail addresses: bolat-z90h@list.ru (B.Sh. Batyrkhan)

Н.Н. Мурзакевич, М.М. Ковалевский и др. В XIX – начале XX в. российские историки, востоковеды и нумизматы впервые ввели в научный оборот ключевые комплексы письменных источников, заложили принципы их критики и интерпретации, а также накопили массив данных по монетным находкам и центрам чеканки. Этот эмпирический фундамент позволяет обсуждать масштабы денежного обращения, региональную географию власти, динамику фискального контроля Золотой Орды и параметры трансконтинентальной торговли. Поэтому обращение к российской историографии XIX – начала XX в. остаётся научно актуальным не только как анализ исследовательской традиции, но и как реконструкция истоков современного представления об источниковой базе и ключевых параметрах ордынской политической экономии.

Таким образом, осмысление дореволюционной историографической перспективы позволяет не только понять, насколько она повлияла на последующие исследовательские подходы, но и по-новому оценить раннюю источниковую базу политической экономики Орды. В перспективе сопоставление дореволюционных интерпретаций с новыми археологическими и нумизматическими данными может способствовать более точному описанию механизмов ордынской интеграции евразийских рынков и долгосрочных эффектов её фискально-торговой политики.

2. Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках комплексного историографического анализа дореволюционных научных трудов, посвящённых ключевым аспектам политической экономики Золотой Орды: налогово-данническим практикам, денежному обращению, городской экономике и транзитной торговле. Методологическую основу статьи составляют сравнительно-историографический подход, проблемно-хронологический метод и источниковедческий анализ, позволяющий проследить эволюцию представлений и сопоставить четыре исследовательские линии: государственно-историческую, востоковедческо-источниковедческую, нумизматико-археологическую и генуэзско-венецианскую историографическую линию.

Эмпирическую базу исследования составили научные труды XIX – начала XX в., включая работы Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, П.И. Кеппена, Н.Н. Мурзакевича, М.М. Ковалевского, а также исследования представителей российской ориенталистики и нумизматики, сформировавших фундамент изучения политической экономики Золотой Орды: Х.М. Френа, В.В. Григорьева, П.С. Савельева, И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, В.Г. Тизенгаузена и др. При анализе этих трудов был использован сравнительно-историографический метод, позволивший проследить эволюцию исследовательских акцентов и интерпретационных схем в контексте интеллектуальных трансформаций дореволюционной российской исторической науки, связанных с осмыслением политической экономики Золотой Орды. Источниковедческий анализ был направлен на уточнение понятийного аппарата, аргументационных стратегий и эвристического статуса источников, к которым обращались дореволюционные авторы при реконструкции фискальных институтов, торговых режимов и практик денежного обращения Орды.

3. Обсуждение

До сих пор сложно говорить о том, что политическая экономия Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в. стала самостоятельным объектом исследования. Хотя систематическое изучение истории Золотой Орды началось со второй четверти XIX в., её экономические аспекты, как правило, рассматривались в рамках политической истории. Поэтому взгляды дореволюционных авторов на фискальные институты, торговую инфраструктуру и экономические связи Орды редко анализировались как единая система (Набиев, 2014: 53-55; Калан, 2012: 11-12; Валеев и др., 2025: 349-366; Bedelova et al., 2025).

Р.Ф. Набиев в историографическом разделе своей диссертации, посвящённой проблеме политического и экономического развития Государства Джучидов в XIV в., отмечает, что в дореволюционной российской историографии политическая экономия Орды не рассматривалась как отдельный предмет исследования. При этом Р.Ф. Набиев подчёркивает особую значимость императорского востоковедения. Дореволюционные российские ориенталисты добились заметных успехов в сборе, введении в научный оборот восточных нарративов и актовых источников. В итоге, согласно Р.Ф. Набиеву, главным достижением российских историков и востоковедов XIX – начала XX в. стало не создание целостной теоретической модели экономики Орды, а накопление и критическое формирование источникового фонда, который позднее стал опорой для современных реконструкций (Набиев, 2014: 53-58). Исследования Е. Калана, посвящённые торгово-экономическим связям Улуса Джучи с восточными странами, дополняют эту оценку. Автор характеризует дореволюционные интерпретации не как «завершённую научную школу», а как совокупность отдельных исследовательских линий, сформированных вокруг конкретных корпусов источников и региональных сюжетов (Калан, 2012: 11). Такой подход подчёркивает неравномерность исследовательского внимания и указывает на то, что ряд экономических проблем в российской историографии оставался разработанным недостаточно. На этом фоне показательна более новая работа, частично нацеленная на восполнение указанного пробела, – статья Г.С. Беделовой и

соавторов. В ней специально рассматривается, каким образом дореволюционная российская историография описывала торгово-экономические связи эпохи монгольского мира. Опираясь на сравнительно-историографический, текстологический и историко-сравнительный анализ, авторы систематизируют труды дореволюционных авторов (Bedelova et al., 2025: 1239-1245).

4. Результаты

Традиционно принято считать, что начиная со второй четверти XIX в. российские историки всё чаще обращались к истории Золотой Орды в контексте русско-ордынских отношений. Это было связано с возрастанием интереса русских интеллектуалов (конкурс Российской академии наук 1826 и 1832 г.) к значению иноземных, прежде всего монгольских, влияний в становлении русской государственности (Тизенгаузен, 1884: 555). При этом корректнее уточнить, что отдельные сюжеты ордынской истории обсуждались и раньше в трудах историков XVIII в. и у Н.М. Карамзина; новизна же XIX – начала XX в. заключалась в расширении источниковой базы и стремлении к более специальным, предметным исследованиям Орды.

Анализ совокупности российских работ XIX – начала XX в. позволяет условно выделить четыре исследовательские линии, в рамках которых осваивалось политико-экономическое измерение ордынской власти: 1) государственно-историческую традицию (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и др.), трактовавшую отдельные аспекты истории Золотой Орды преимущественно через призму её влияния на Русь; 2) востоковедческую и источниковедческую линию (И.Н. Березин, Г.С. Саблуков, В.Г. Тизенгаузен; позднее А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин), ориентированную на реконструкцию внутреннего устройства, экономики и торговых отношений Орды на основе восточных нарративных и ордынских актов источников (ярлыков); 3) нумизматико-археологическую линию (Х.М. Френ, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, А.К. Марков и др.), изучавшую денежное обращение и материальные свидетельства ордынской экономики; 4) генуэзско-венецианскую историографическую линию (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич; позднее М.М. Ковалевский), рассматривавшую итальянскую колонизацию Северного Причерноморья и Приазовья (Таблица 1).

Таблица 1. Основные исследовательские линии изучения политической экономики Золотой Орды в России (XIX – начала XX в.)

Исследовательская линия	Ключевые авторы	Фокус политико-экономического анализа
Государственно-историческая традиция	Н.М. Карамзин; С.М. Соловьёв; В.О. Ключевский и др.	Орда как внешний политико-фискальный фактор русской истории: «выход»/дань, переписи, механизмы зависимости и посредничество князей; последствия для финансово-административной эволюции Руси.
Востоковедческо-источниковедческая линия	И.Н. Березин; Г.С. Саблуков; В.Г. Тизенгаузен и др. (дореволюционный период); продолжение – А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин (раннесоветский период)	Реконструкция внутреннего устройства Улуса Джучи на основе восточных нарративных и ордынских актов источников: хроники, географические и исторические сочинения, ярлыки, правовые и дипломатические тексты.
Нумизматико-археологическая линия	Х.М. Френ; В.В. Григорьев; П.С. Савельев; А.К. Марков и др.	Денежное обращение и материальные свидетельства экономики: монетные серии и клады, центры чеканки, динамика денежной системы; элементы экономической географии и транзитной инфраструктуры по данным нумизматики и археологических наблюдений.
Генуэзско-венецианская историографическая линия	П.И. Кеппен; Н.Н. Мурзакевич; позднее – М.М. Ковалевский и др.	Итальянские фактории и черноморско-азовская торговля: договорные формулы, пошлины и таможенные режимы, механизмы транзита и правовая защита купечества; включённость колониальной торговли в ордынские режимы суверенитета и фискального контроля.

4.1. Государственно-историческая линия: Орда как внешний политико-фискальный фактор и механизм зависимости Руси

Государственно-историческая традиция, представленная Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьёвым, В.О. Ключевским и рядом других авторов, исходила прежде всего из интереса к русско-ордынским политическим отношениям, в рамках которых Золотая Орда рассматривалась главным образом как внешний фактор русской истории. В этой перспективе экономические аспекты ордынского господства – дань, переписи, динамика денежного обращения – интерпретировались не как элементы единой хозяйственной системы Орды, а как исторические механизмы зависимости и как инструменты трансформации институтов Северо-Восточной Руси (Карамзин, 1993: 200-224; Соловьёв, 1960: 158-160, 370, 492-493; Ключевский, 1957: 32, 37).

Прежде всего, наиболее влиятельную исходную рамку восприятия ордынской фискальности сформировал Н.М. Карамзин. Он трактовал ордынскую налоговую систему как внешний механизм изъятия, который, однако, мог быть частично присвоен и институционально использован Москвой в целях укрепления великокняжеских финансов. По его мнению, именно ордынские порядки налогообложения усилили казну великого князя: «...иго Татар обогатило казну Великокняжескую, исчислением людей, установлением поголовной дани, и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростию Князей обращенными в их собственный доход...» (Карамзин, 1993: 206-207). Не менее показателен у Н.М. Карамзина и сюжет с церковными привилегиями. Историк подчёркивает, что освобождение церковных владений от ордынских и княжеских податей превращало духовенство в важный экономический субъект: «Владения церковные, свободные от налогов Ордынских и Княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия Епископов, Монахов, оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. ... Народ жаловался на скудость: Иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин» (Карамзин, 1993: 207-209). Особое значение имеет наблюдение Н.М. Карамзина об экономическом прагматизме Орды, связывающее ханское покровительство торговле с фискальной выгодой – повышением устойчивости даннических поступлений: «Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили Ордынскую дань» (Карамзин, 1993: 215). Наконец, Н.М. Карамзин связывает фискальные требования Орды с изменениями денежного обращения Руси. Он отмечает, что требование дани в серебре подрывало прежние формы эквивалентов и снижало значение «кун», поскольку «Монголы не брали их вместо серебра» (Карамзин, 1993: 216-217). Тем самым трансформация денежной системы трактуется им как следствие внешнего фискального импульса. В целом Н.М. Карамзин выстраивает многослойную картину ордынского владычества. Для него Орда одновременно выступает как внешняя система рентного изъятия, как фактор укрепления великокняжеской казны, как механизм перераспределения ресурсов в пользу институционально привилегированных групп (прежде всего Церкви) и как стимул к изменениям в торговле и денежном обращении на Руси.

Далее, развивая общую рамку «татаро-монгольского ига», С.М. Соловьёв существенно усиливает институциональный и административный аспект анализа. В отличие от Н.М. Карамзина, сосредоточенного главным образом на политико-нравственных и макроисторических последствиях зависимости, С.М. Соловьёв настойчиво подводит читателя к восприятию Орды как устойчивой системы управленческих практик. В его изложении на первый план выходят переписи населения, регулярный характер ордынских платежей, логика распределения налоговых обязанностей и передача функций по сбору дани русским князьям (Соловьёв, 1960: 158-160). Более того, С.М. Соловьёв фактически показывает ордынскую фискальную систему как многоуровневый режим изъятий и расходов. Наряду с собственно «выходом» он выделяет дополнительные обременения – «ордынские тягости и проторы», включавшие ямскую повинность, а также затраты на содержание ханских чиновников и посольств (Соловьёв, 1960: 492-493). Наконец, С.М. Соловьёв фиксирует изменение роли Москвы как фискального посредника: случаи аккумуляции части «татарской дани» в казне великого князя позволяют ему трактовать ордынский фискальный канал как один из реальных ресурсов внутренней политической и финансовой централизации Руси (Соловьёв, 1960: 370).

К завершающему государственно-исторической линии относятся идеи В.О. Ключевского. Он не выделял «политическую экономию Золотой Орды» в качестве самостоятельной темы, но, анализируя духовные и договорные грамоты, фактически показал, что ордынские налоги стали частью княжеского управления и вписались в повседневную практику русской власти. По его наблюдению, Иван Калита отчётливо различал себя как «собственника и правителя»: распоряжаясь землёй Москвы и пошлинами как личным имуществом, он одновременно «облагал [подданных] сборами на общественные нужды, например данью для уплаты ордынского выхода» (Ключевский, 1957: 32). Тем самым ордынская дань интегрируется в структуру великокняжеских финансов как нормализованный платёж, а не только как эпизодическое внешнее изъятие. Его тезис о замене прямого ханского сбора делегированием этой функции великим князьям расширяет институциональное объяснение зависимости. «Ордынский хан, ... сначала собирал дань с Русской земли посредством своих агентов, потом нашел более удобным поручать сбор этой дани великим князьям русским. Каждый великий князь собирал татарскую контрибуцию, выход, с удельных князей своей линии и доставлял ее в Орду;

Калите поручено было собирать дань даже с князей других линий» (Ключевский, 1957: 37). Проще говоря, Орда переложила хлопоты по сбору дани на московских князей: так ей было удобнее управлять Русью и меньше тратиться на контроль, а внутри самих русских земель при этом усиливалась власть великого князя, который получал новые рычаги влияния над другими князьями. Кроме того, В.О. Ключевский утверждает, что ордынская дань превратилась в рычаг, с помощью которого великий князь подчинял себе удельных в экономическом плане: он сосредоточил в своих руках право вести дела с Ордой и собирать дань («мне знать Орду, а тебе Орды не знать»), превращая денежную зависимость в политическую. При этом, подчёркивает историк, сами удельные князья считали такую зависимость чуждой и временной: как только исчезнет ордынская власть, вместе с ней, по их представлению, должна была исчезнуть и их подчинённость великому князю, основанная на его посредничестве в выплате дани (Ключевский, 1957: 37).

Таким образом, государственно-историческая традиция XIX – начала XX в. не сформировала целостной модели политической экономики Золотой Орды. Однако именно она создала устойчивый понятийный каркас для исследования ордынской даннической налоговой системы в русских землях. В рамках этой линии были системно обозначены ключевые механизмы зависимости – дань, переписи, посредничество великих князей, селективные иммунитеты – и предложены первые объяснения их институциональных последствий для формирования московской финансово-административной мощи.

4.2. Востоковедческая и источниковедческая линия: реконструкция политической экономики Улуса Джучи на основе восточных нарративных и ордынских актов источников

Востоковедческая и источниковедческая линия формировалась на фоне быстрого развития российского востоковедения и была нацелена на реконструкцию внутреннего устройства Золотой Орды по восточным нарративным и ордынским актовым источникам. В отличие от государственно-исторической традиции, сосредоточенной на влиянии Орды на Русь, здесь Золотая Орда рассматривается как самостоятельное государство со своей административной, правовой и экономической логикой. Такой подход позволил выйти за рамки схемы «татаро-монгольского ига» и перейти к более точному анализу имперской налоговой системы, городской структуры и транзитной торговли степной державы. Данное направление объединяло труды русских востоковедов И.Н. Березина, Г.С. Саблукова, В.Г. Тизенгаузена и др., а также выработанный ими источниковедческий стандарт, который позднее был продолжен в исследованиях других специалистов (включая А.А. Ромаскевича и С.Л. Волина).

Исследования И.Н. Березина расширили источниковую базу изучения политической экономики Золотой Орды и стали одной из ранних попыток связать институциональную историю Улуса Джучи с критическим анализом корпуса документальных свидетельств, прежде всего ханских ярлыков. В своих научных трудах И.Н. Березин давал замечания о степени достоверности отдельных сведений и демонстрировал ориенталистский подход к политико-экономическим сюжетам: институты, налоги, правовые статусы и даже этнонимы должны выводиться из сопоставления рукописных традиций и филологической критики. Для источниковой реконструкции особое значение имеют публикации и интерпретации ханских ярлыков (Березин, 1850а; Березин, 1850б; Березин, 1852). Например, в корпусе работ И.Н. Березина присутствует издание, связанное с ярлыком Тохтамыша польскому королю Ягайло (Березин, 1850б). Структура этого документа и сам факт его публикации в рамках ориенталистской традиции XIX в. показывают, что ярлыки рассматривались как ключевые документы для понимания статусов, привилегий и международных обязательств Орды, то есть для анализа её договорной и фискально-правовой практики. Исследовательские работы русского востоковеда Г.С. Саблукова тоже важны для изучения ряда аспектов: политической экономики Орды, торговли, денежных отношений (Саблуков, 1844; Саблуков, 1895). Например, Г.С. Саблуков стремился связать географию власти Джучидов с трансконтинентальной торговлей. Он подчёркивал, что Золотой Орде принадлежало пространство, «соединяющее Азию с Европой», через которое пролегал масштабный торговый путь между двумя частями света (Саблуков, 1895: 24). Особенно важен его тезис о взаимосвязи ханского суверенитета с монетной регалией и городским развитием: право правителя на чекан монеты фиксируется им как исключительная прерогатива верховной власти (Саблуков, 1895: 26). Эти наблюдения усиливали представление об Орде как о государстве, чья экономическая устойчивость опиралась не только на даннические механизмы, но и на контроль инфраструктуры обмена и символических атрибутов власти.

В дореволюционной исторической науке существенный прорыв в источниковедческом изучении Золотой Орды был связан с работами В.Г. Тизенгаузена. Методологическая значимость его труда «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» состоит в том, что он переводил и упорядочил сообщения арабских хроник и сочинений IX–XVI вв., сделав их доступными для сравнительного анализа (Тизенгаузен, 1884). В 1941 г. было опубликовано продолжение свода восточных источников, подготовленного В. Г. Тизенгаузеном, что расширило его предыдущую работу-исследование (Тизенгаузен, 1941). Источниковая база, собранная В.Г. Тизенгаузеном,

позволяет проследить не только политические события, но и экономическую географию Орды, инфраструктуру обмена, а также роль городов и транзитных узлов.

Во-первых, арабские авторы фиксируют сеть трансконтинентальной торговли, в которой ордынские территории выступали не периферией, а важнейшим элементом евразийского обмена. Египетские историки и энциклопедисты XIV–XV вв. сообщают о направлениях внешней торговли и контактах Орды с Причерноморьем, Кавказом, Ираном и Восточным Средиземноморьем. В подобных свидетельствах обычно присутствует связка «торговый маршрут – город – товар – политический контроль», позволяющая обсуждать не только сам факт обмена, но и показывающая практики перемещения, уровень безопасности, роль посредников, наличие рынков и купеческую деятельность. Например, Ал-Умари в географо-административных фрагментах связывает политическое устройство Улуса Джучи с реальной картиной межрегиональной торговли, выделяет ключевые центры и направления связей и тем самым позволяет рассматривать Золотую Орду как крупную транзитную державу, а не периферию исламского мира (Тизенгаузен, 1884: 207-251). Путешественник Ибн Баттута даёт иной тип материала – «экономику в движении». Его описания городских рынков, дорожной инфраструктуры и норм приёма купцов и путешественников позволяют обсуждать практические механизмы функционирования транзита и роль крупных городов как точек концентрации спроса, услуг и административного надзора (Тизенгаузен, 1884: 278-314). Сообщения мамлюкских хронистов о дипломатии, обмене дарами и торговых контактах между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом дополняют эту картину внешнеэкономических отношений, где проступают товарные специализации и значение черноморских и прикаспийских направлений (Тизенгаузен, 1884: 63-69, 76-123, 128-171, 351-364).

Во-вторых, сводка арабских свидетельств позволяет рассматривать ордынские города как административные и торговые узлы и соотносить их развитие с решениями ханской власти. Описания Сарая, Хаджи-Тархана, Булгара, крымских и нижеволжских центров включают сведения о масштабах городской жизни, ремесле, рынках, численности, а также этноконфессиональной структуре населения. Например, Ал-Умари фиксирует статус и значение ключевых городов Улуса Джучи, тем самым задавая материал для анализа их роли в системе сбора доходов, распределения ресурсов и территориального контроля (Тизенгаузен, 1884: 207-251).

В итоге востоковедческая и источниковедческая линия XIX – начала XX в. внесла наиболее значимый эмпирический и методологический вклад в становление исследований политической экономики Орды. В её рамках был сформирован основной корпус письменных и актовых источников, который позволил предметно говорить об административном устройстве, городской сети и международных торговых связях Улуса Джучи. Параллельно вводились юридически и институционально значимые материалы, открывшие возможность реконструировать фискальные практики, режимы статуса и основы торгово-правового порядка. На основе этих письменных и актовых источников постепенно закреплялось и представление о Золотой Орде как о транзитной империи, чья экономическая мощь строилась на обеспечении безопасности путей, контроле пошлин и поддержке городской инфраструктуры.

4.3. Нумизматико-археологическая линия: монетное обращение как источник по политической экономике Улуса Джучи

Нумизматико-археологическая линия российской историографии XIX – начала XX в. сыграла важную роль в изучении экономики Золотой Орды. В отличие от государственно-исторической и источниковедческой традиций, она опиралась на материальные источники – монеты и клады, данные о центрах чеканки, а также археологические сведения о городах и торговых узлах, – тем самым заложив основу для реконструкции реальных механизмов ордынской хозяйственной жизни. Начало систематического научного изучения монет и денежного обращения Золотой Орды относится ко второй четверти XIX в., когда в Санкт-Петербурге была опубликована монография Х.М. Френа (Fraehn, 1826). С тех пор одной из центральных задач золотоордынской нумизматики остаётся составление как можно более полного каталога известных типов монет. Х.М. Френ рассматривал денежные выпуски как исторический источник, позволяющий реконструировать географию власти, смену политических режимов и динамику денежного обращения (Френ, 1832). Благодаря его работе экономическая история Орды получила более надёжную привязку к конкретным центрам эмиссии и к формулам государственной легитимации, отражённым в эпиграфике. Нумизматический подход Х.М. Френа в изучении истории Золотой Орды имел важный историографический эффект, способствуя отходу от образа Орды как лишь «даннического гнёта» к представлению её как имперской системы с развитой администрацией, торговлей и инфраструктурой. В этом контексте монета выступала индикатором существования рынков, управленческих узлов и логистических маршрутов, функционирование которых требовало стандартизированной денежной системы. Важной частью наследия Х.М. Френа стала детальная классификация монет. Исследователь связывал изменение эпиграфических формул с ключевыми политико-религиозными и административными событиями, включая легитимацию ислама при Берке-хане и чеканные изменения эпохи Узбек-хана

(Френ, 1832: 1-39). В дальнейшем исследования Френа были продолжены его учениками и последователями в XIX в. – В.В. Григорьевым, П.С. Савельевым, А.К. Марковым и др.

Наиболее значимым для развития золотоордынской нумизматики стало исследование В.В. Григорьева (Григорьев, 1850; Григорьев, 1844). Например, В.В. Григорьев определил хронологию крупного монетногоклада, найденного недалеко от развалин Сарая в июле 1848 г., и подчеркнул его аналитическую ценность: содержимое состоит только из серебряных монет Золотой Орды 710–768-х гг. (1310–1366/1367), включая значительное количество ранее не зафиксированных вариантов (Григорьев, 1850: 1). Это позволило рассматривать этот клад как эмпирический индикатор интенсивности денежного обращения и устойчивости государственной монетной системы в период укрепления Орды при Тохте, Узбеке и Джанибеке (Григорьев, 1850: 1, 3-4, 6-7, 10-15). Его методическая осторожность в вопросах датировки также стала частью новой научной нормы: один и тот же тип чекана может встречаться на монетах разных лет и даже разных правлений, поэтому отсутствие годового числа не позволяет механически переносить датировку по внешнему сходству (Григорьев, 1850: 5). Анализ поздних серий клада расширил горизонты обсуждения «великой замятни». В.В. Григорьев показал, что денежное обращение и работа монетных дворов не прекращались в 1350–1360-х гг.: фиксируются серии Нового Сарая и Гюлистана в связке с кратковременными правлениями, а также расширяется география чекана (Григорьев, 1850: 16-19, 24-29, 32-33). Особое значение имеет его трактовка монеты как аргумента политической истории: обсуждение монет 767 г. и гипотезы о «Джанибеке II» демонстрирует, что нумизматика способна восполнять лакуны летописной традиции и служить источником для реконструкции кризиса легитимности (Григорьев, 1850: 42-45, 47). Следующее крупное исследование связано с именем П.С. Савельева, чьи публикации существенно расширили корпус известных типов монет и имён правителей, фактически увеличив доказательную плотность источниковой базы по денежной истории Джучидов (Савельев, 1858; Савельев, 1865). В частности, он обращался к материалам клада близ развалин Сарая, где было выявлено более 150 новых разновидностей монет, включая экземпляры с именем ранее неизвестного хана Джанибека II (Савельев, 1865). Ещё более важным был его анализ Екатеринославского клада 1852 г., который поразил исследователей большим количеством неизданных монет и именами новых ханов – Каганбека и Мубарека, а также новыми названиями монетных городов (Савельев, 1865). Особую ценность представляет его подробная количественная и типологическая характеристика Екатеринославского комплекса: в кладах насчитывалось 14 350 серебряных монет, почти исключительно джучидских, преимущественно эпохи Тохтамыша, с детальной разбивкой по группам и предполагаемым местам чеканки (Савельев, 1865).

Институциональным завершением дореволюционного этапа развития нумизматических исследований стало составление А.К. Марковым инвентарного каталога мусульманских монет Императорского Эрмитажа (Марков, 2008). Работы А.К. Маркова стали одним из ключевых этапов развития российской восточной и, в частности, золотоордынской нумизматики. Он существенно продвинул изучение хронологии правления татарских ханов и систематизацию корпуса джучидских монет; современное издание воспроизводит часть каталога 1896 г., посвящённую монетам Улуса Джучи (Марков, 2008: 4). Принципиально, что его общая классификация не совпадает с системой Х.М. Френа и не является исключительно географо-этнографической: династии расположены в более синхронистическом порядке, с согласованием их последовательности с датами возникновения, а «монеты революционеров» вынесены в отдельный блок вслед за династиями, против которых поднимались чеканившие их эмиры (Марков, 2008: 9). Вклад А.К. Маркова в изучение Золотой Орды следует описывать как двуединый. Во-первых, он создал стандартизированный корпус данных по джучидским монетам, выстроенный по правителям, датам и городам чеканки, с продуманной синхронистической классификацией (Марков, 2008: 9). Во-вторых, благодаря этой систематизации нумизматика в российской историографии получила прочную основу для перехода от описания монет к анализу политико-экономических процессов: структуры монетных дворов, географии денежного обращения, устойчивости государственного аппарата в периоды расцвета и кризиса (Марков, 2008: 4-6).

В целом, нумизматико-археологическая школа российской науки XIX – начала XX в. сформировала исследовательский язык, в котором экономика Орды представлена через материальные свидетельства. Эта традиция остаётся актуальной и сегодня, а её дальнейшее развитие закономерно связано с расширением корпусных каталогов, цифровой атрибуцией кладов и более точными реконструкциями региональных траекторий денежного обращения Орды.

4.4. Историографический анализ генуэзско-венецианской колонизации Северного Причерноморья и Приазовья

Генуэзско-венецианская историографическая линия, сформировавшаяся в русской историографии XIX – начала XX в. на материале изучения итальянской колонизации Северного Причерноморья и Приазовья, стала одним из ключевых направлений реконструкции политической экономики Улуса Джучи. Данная перспектива позволяла выявлять механизмы транзита, договорные формулы, порядок взимания пошлин и практики правовой защиты купечества. Ключевыми авторами

выступили П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, позднее – И.В. Лучицкий и М.М. Ковалевский. Их объединяла общая установка: наиболее наглядные параметры политической экономики Орды фиксируются в прибрежных и пограничных зонах, где ханская власть вела переговоры с торговыми республиками, определяла порядок пошлин и гарантировала статус иностранного купечества. При этом для исследователей первой половины XIX в. материалы по итальянской колонизации чаще служили иллюстрацией геополитической роли Золотой Орды в трансконтинентальной торговле, тогда как внутренние экономические механизмы ханской власти лишь намечались. К рубежу XIX–XX вв. в рамках этой традиции усиливается стремление к источниковой конкретике и экономико-правовой интерпретации.

На раннем этапе такую постановку проблемы обозначил П.И. Кеппен, развив более локализованный историко-географический подход, сосредоточив внимание на роли Судака (Солдаи) в трансконтинентальной торговле. Значимость его работ связана с широтой источников – от хроник и эпиграфики до свидетельств восточных географов – и попыткой встроить историю Судака в модель восточно-западных торгово-культурных связей. Он характеризовал город как важный транзитный пункт, через который в XIII в. двигались купцы «изъ Турцій въ Сьверныя страны» и обратно, соединяя Русь, Восток и черноморские маршруты (Кеппен, 1837: 114). П.И. Кеппен подчёркивал многоэтничный и многоконфессиональный характер города и сопоставимость его торговой роли с Кафой (Кеппен, 1837: 114–115). Даже при верховной власти татар Судака, по его мнению, сохранял относительную автономию и «откупал свободу свою какою либо данью», включая раннюю данническую зависимость от Батыея (Кеппен, 1837: 115; Беделова, 2025: 1240). Здесь намечается модель извлечения дохода из торгового узла без прямого административного поглощения, что может рассматриваться как ранний историографический контур идеи фискального суверенитета Орды над портовыми и транзитными зонами. Он также отметил генуэзский захват 1365 г., последующее укрепление города и латинские эпиграфические свидетельства консульской администрации (Кеппен, 1837: 116, 128), а присутствие латинских епископов и папская булла 1432 г. служат у него индикаторами институциональной устойчивости колониального режима (Кеппен, 1837: 135; Беделова, 2025: 1240–1241).

Более систематизированный эмпирический шаг в первой половине XIX в. связан с именем Н.Н. Мурзакевича. Его исследования расширили источниковую базу, привлекая западноевропейские и восточные материалы (Мурзакевич, 1837; Мурзакевич, 1853). Хотя Н.Н. Мурзакевич не описывал ордынские институты как целостную экономическую систему, его работы создали важные предпосылки для анализа ордынского контроля над транзитом, пошлинами и прибрежными торговыми узлами. В труде «История генуэзских поселений», завершённом в апреле 1837 г., он конструирует историю генуэзских колоний как часть перестройки средиземноморско-черноморских торговых систем (Мурзакевич, 1837). В этой работе Н.Н. Мурзакевич не пишет политическую экономию Орды напрямую, однако его повествование фиксирует набор инструментов власти в зоне трансрегиональной торговли: монетизацию прав на землю и поселение, выдачу торговых свобод и гарантий безопасности, институционализацию присутствия иностранной купеческой общины (Мурзакевич, 1837: 6–7). Для политической экономики Золотой Орды особенно важна ранняя договорная рамка, связывавшая Орду с итальянскими коммунами. Н.Н. Мурзакевич подчёркивает договорный характер первых соглашений с ордынско-татарской властью: хан разрешил генуэзцам закрепиться и вести торговлю, а земля была получена за «значительную сумму денег»; условия включали гарантии ввоза-вывоза товаров, свободу торговли и разрешение строить склады, магазины и дома для хранения и оборота товара (Мурзакевич, 1837: 6). Он также отмечает, что Крым (Газарию) Генуя рассматривала как удобный «срединный» пункт между Константинополем и Таной, что объясняло курс на торгово-колониационное укрепление полуострова (Мурзакевич, 1837: 5–6). Экономическое процветание генуэзских владений автор связывает с расширением сети обмена и вовлечением местной экономики в колониальный рынок: развитие виноградарства, совершенствование промыслов (включая добычу и очистку соды), поиск новых направлений торговли приводили к росту цен на местные товары (хлеб, соль) и увеличению населения региона (Мурзакевич, 1837: 10).

При этом Н.Н. Мурзакевич показывает, что внешняя торговая политика Каффы выходила за рамки отношений с татарами и вписывалась в более широкий международный рынок Восточного Средиземноморья. Описанный им договор генуэзцев с египетским султаном (1279) важен как элемент политической экономики транзита: султан обязался выплатить жителям Каффы компенсацию за выкуп пленных, не принуждать генуэзских купцов принимать благоволия вместо денег за товары и разрешить торговлю невольниками при условии освобождения тех, кто принимает христианство. Этот фрагмент показывает, что Каффа функционировала как узел межгосударственных соглашений, где торговля людьми, денежные расчёты и религиозно-правовые условия переплетались в единую систему экономической дипломатии (Мурзакевич, 1837: 19).

На рубеже XIX–XX вв. генуэзско-венецианская историографическая линия получает более выраженное источниковедческое и аналитическое развитие в работах М.М. Ковалевского. Его статья «К ранней истории Азова» посвящена судьбе венецианской и генуэзской колоний в Тане и развитию

итальянской торговли в низовьях Дона и на Азовском море (Ковалевский, 1905: 109-174). Уже в постановке проблемы проявляется методологический акцент: надёжные выводы возможны лишь при пересмотре источниковой базы. Ковалевский подчёркивает, что значительная часть материалов по венецианской Тана оставалась не введённой в научный оборот, поэтому исследование должно опираться на венецианские архивы (серия Senato misti) и их сопоставление с корпусом источников по генуэзскому направлению (Ковалевский, 1905: 109-110). Он критически анализирует позиции предшественников: например, Гейд сомневался в существовании Таны как особой итальянской колонии в середине XIII в., активность генуэзцев относил не ранее 1313 г., а возникновение венецианской колонии связывал с договором с ханом Узбеком и датировал не раньше 1332 г. (Ковалевский, 1905: 112). Для М.М. Ковалевского эти оценки требовали проверки новыми архивными данными. Источниковедческая критика у него становится механизмом пересмотра хронологии и условий итальянского присутствия в Азовском регионе.

В контексте политической экономики Золотой Орды наиболее значимы рассуждения М.М. Ковалевского о структуре доступа к рынку Азака/Таны. Тана выступает узловым пунктом сопряжения восточных и западных путей, но включение в этот узел было возможно лишь при признании суверенных прав кипчакских ханов. Европейские торговые корпорации должны были заключать соглашения с ханами и получать разрешение на устройство факторий и консульств, выгрузку и продажу товаров при условии платежей в ханскую казну; размеры и формы этих платежей фиксировались договорными нормами (Ковалевский, 1905: 117-118). Дополнительным аргументом служит связь конкуренции итальянских республик с изменениями статуса портов. Переход Судака под власть кипчакских ханов, по Ковалевскому, влиял на логистику генуэзцев: для закупки солёной рыбы на рынке татарского Азака им приходилось направлять крупные ладьи из Пантикапеи в Тану (Ковалевский, 1905: 118). Центральное место занимают договоры Венеции с ханами Орды. М.М. Ковалевский считает самым ранним из известных ему договор с Узбеком и полагает, что его текст предполагает существование более ранних соглашений, которые предписывалось сохранять; он допускает связь этих утраченных договоров с эпохой путешествий Рубрика и Марко Поло и переговорами с ханом Берке (Ковалевский, 1905: 119). Он также отмечает, что договор с Узбеком (1331) воспроизводится в соглашении с Жанибеком (1347), но с включением дополнительных норм, представленных как изначально действовавших (Ковалевский, 1905: 119). Эти наблюдения усиливают вывод о роли Орды как политико-правового и фискального субъекта, формировавшего тарифы, гарантии и правила, от которых зависели параметры черноморско-азовской торговли.

В итоге генуэзско-венецианская историографическая линия стала одним из наиболее продуктивных подходов к изучению внешнеторговых механизмов Улуса Джучи. Она уточнила ключевые узлы и потоки, связывавшие Крым и Приазовье с Русью, степью и восточными рынками, а также сформировала ранние представления о таможенно-договорной системе и фискальном суверенитете ханской власти. Описанные пограничные практики Каффы и Таны показали, что международная торговля в черноморско-азовской зоне была институционально обусловлена и развивалась внутри юридических и финансовых рамок, задаваемых властью Орды.

5. Заключение

Проведённый анализ показывает, что в российской историографии XIX – начала XX в. политическая экономия Золотой Орды не сложилась как самостоятельный предмет исследования. Налогово-даннические практики, денежное обращение, городская экономика и транзитная торговля, как правило, рассматривались в составе более широких сюжетов политической истории и ордынско-русских отношений. Такой исследовательский фокус предопределял фрагментарность объяснений и ограничивал возможности реконструкции внутренней экономической рациональности Улуса Джучи как целостной институционально-хозяйственной системы. Тем не менее дореволюционная наука сформировала эмпирическую и источниковедческую базу, на которую опираются современные исследователи. Этот фундамент возник не в рамках единой школы, а через четыре взаимодополняющие исследовательские линии, обозначенные в основном тексте.

Государственно-историческая традиция закрепила проблемный каркас обсуждения ордынской фискальности на Руси, выделив механизмы дани, переписей, посредничества великих князей и селективных иммунитетов. Востоковедческо-источниковедческая линия расширила корпус письменных восточных свидетельств и усилила аналитические возможности описания административных и торгово-правовых практик Орды. Нумизматико-археологическая линия ввела в научный оборот материальные источники и пространственные параметры ордынской экономики, позволив обсуждать географию чекана, региональную динамику денежного обращения и роль городских узлов. Генуэзско-венецианская историографическая линия предложила наиболее конкретный массив данных о транзите, тарифах и договорных режимах черноморско-азовской зоны, выветив практики фискального суверенитета Орды в портово-пограничной среде.

Следовательно, ключевым итогом историографии XIX – начала XX в. стало не создание завершённой теоретической модели политической экономики Золотой Орды, а накопление и критическое освоение комплексов источников – ярлыков, арабо-персидских хроник, актов

итальянских факторий, монетных серий и кладов. Именно эта многоканальная исследовательская традиция подготовила устойчивую основу для современных междисциплинарных интерпретаций фискальных институтов, денежного обращения, городской экономики и трансевразийского транзита Улуса Джучи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт финансирования Комитета науки МНВО РК (ИРН BR24993132 «Ранняя и средневековая история и культура тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы»).

Литература

- Березин, 1850a** – Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб.: Тип. ИАН, 1850. 24 с.
- Березин, 1850b** – Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. Казань: Тип. Н. Кокевина, 1850. 72 с.
- Березин, 1852** – Березин И.Н. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству // *ИКГВ*. 1852. № 22. 8 с.
- Валеев и др., 2025** – Валеев Р.М., Валеев Р.М., Валева Р.З., Кириллина С.А., Рахимова Я.Р. Г.С. Саблуков и его вклад в изучение золотоордынского наследия // *Археология Евразийских степей*. 2025. № 2. С. 349-366.
- Григорьев, 1844** – Григорьев В.В. Монеты Джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие Одесскому обществу истории и древностей // *ЗООИД*. 1844. Т. 1. С. 301-314.
- Григорьев, 1850** – Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // *ЗСПБАНО*. 1850. Т. 2. С. 1-63.
- Калан, 2012** – Калан Э. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII–XIV вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. 156 с.
- Карамзин, 1892** – Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Изд. Евг. Евдокимова, 1892. Т. 5. 372 с.
- Карамзин, 1993** – Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5. М.: Наука, 1993. 560 с.
- Кеппен, 1837** – Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: ИАН, 1837. 409 с.
- Ключевский, 1957** – Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2: Курс русской истории. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 470 с.
- Ковалевский, 1905** – Ковалевский М.М. К ранней истории Азова: Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // *Труды XII археологического съезда*. М., 1905. Т. 2. С. 109-174.
- Марков, 2008** – Марков А.К. Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.
- Мурзакевич, 1837** – Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
- Мурзакевич, 1853** – Мурзакевич Н.Н. Генуэзские консулы города Каффы // *ЗООИД*. 1853. Т. 3. С. 552-558.
- Набиев, 2012** – Набиев Р.Ф. Экономика Империи Джучидов XIV века (расцвет Золотой Орды). Saarbrücken: LAP, 2012. 256 с.
- Набиев, 2014** – Набиев Р.Ф. Государство Джучидов в XIV веке: проблемы политического и экономического развития: дис. д-ра ист. наук. Казань, 2014. 619 с.
- Саблуков, 1844** – Саблуков Г.С. Монеты Золотой Орды // *Саратовские губернские ведомости*. 1844. № 2–3 (8–15 января).
- Саблуков, 1895** – Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Изд. 2-е. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1895. 60 с.
- Савельев, 1858** – Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // *ТВОИАО*. Ч. 3. СПб., 1858. С. 203-528.
- Савельев, 1865** – Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1865. 326 с.
- Соловьёв, 1960** – Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3–4. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. 784 с.
- Тизенгаузен, 1884** – Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. ИАН, 1884. 564 с.
- Тизенгаузен, 1941** – Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Френ, 1832** – Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.: ИАН, 1832. 97 с.

[Abdimomynov et al., 2024](#) – *Abdimomynov N.T., Zhumagulov K.T., Saurykov Y.B.* The Mongol Impact on the Political History of the Byzantine Empire // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2024. Vol. 69. Is. 3. Pp. 685-708.

[Bedelova et al., 2025](#) – *Bedelova G.S., Masimkhanuly D., Abidenkyzy A.* Reflections on trade and economic relations during Mongol rule in pre-revolutionary Russian historiography // *Bylye Gody*. 2025. 20(3): 1237-1249.

[Franeli, 1826](#) – *Franeli Ch.M.* Resensio numorum muhammedanorum. Petropoli: Litteris Academicis, 1826. 743 p.

References

[Abdimomynov et al., 2024](#) – *Abdimomynov, N.T., Zhumagulov, K.T., Saurykov, Y.B.* (2024). The Mongol Impact on the Political History of the Byzantine Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 69(3): 685-708.

[Bedelova et al., 2025](#) – *Bedelova, G.S., Masimkhanuly, D., Abidenkyzy, A.* (2025). Reflections on trade and economic relations during Mongol rule in pre-revolutionary Russian historiography. *Bylye Gody*. 20(3): 1237-1249.

[Berezin, 1850a](#) – *Berezin, I.N.* (1850). Vnutrennee ustroistvo Zolotoi Ordy (po khanskim yarlykam) [The internal structure of the Golden Horde (according to Khan's Charters)]. SPb: IAN. 24 p. [in Russian]

[Berezin, 1850b](#) – *Berezin, I.N.* (1850). Yarlyk khana Zolotoi Ordy Tokhtamysha k pol'skomu korolyu Yagailu [Charter of the Khan of the Golden Horde Tokhtamysh to the Polish King Jogaila]. Kazan: Tip. N. Kokevina. 72 p. [in Russian]

[Berezin, 1852](#) – *Berezin, I.N.* (1852). Tarkhannye yarlyki, dannye khanami Zolotoi Ordy russkomu dukhovenstvu [Tax-Exempt charters granted by the Khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. *IKGV*. 22: 8. [in Russian]

[Franeli, 1826](#) – *Franeli, Ch.M.* (1826). Resensio numorum muhammedanorum. Petropoli: Litteris Academicis. 743 p.

[Fren, 1832](#) – *Fren, Kh.M.* (1832). Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami raznykh inykh mukhammedanskikh dinastii v pribavlenii [Coins of the Khans of the Ulus of Jochi or the Golden Horde, with Coins of Various Other Muhammadan Dynasties in Addition]. SPb: IAN. 97 p. [in Russian]

[Grigor'ev, 1844](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1844). Monety Dzhuchidov, Genueztsev i Gireev, bytye na Tavricheskom poluostrove i prinadlezhashchie Odesskomu obshchestvu istorii i drevnostei [Coins of the Juchids, Genoese and Gireys Struck in the Tauric peninsula and Belonging to the Odessa society of history and antiquities]. *ZOOID*. 1: 301-314. [in Russian]

[Grigor'ev, 1850](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1850). Opisaniye klada iz zolotoordynskikh monet, naidennogo bliz razvalin Saraya [Description of a Hoard of Golden Horde Coins Found near the Ruins of Sarai]. *ZSPbANO*. 2: 1-63. [in Russian]

[Kalan, 2012](#) – *Kalan, E.* (2012). Zolotaya Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka: torgovo-ekonomicheskie vzaimootnosheniya vo vtoroi polovine XIII–XIV vv. [The Golden Horde (Ulus Jochi) and the eastern countries: trade and economic relations in 13th–14th centuries]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani. 156 p. [in Russian]

[Karamzin, 1892](#) – *Karamzin, N.M.* (1892). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian state]. SPb: Izdanie Evg. Evdokimova. Vol. 5. 372 p. [in Russian]

[Karamzin, 1993](#) – *Karamzin, N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Vol. 5. M.: Nauka. 560 p. [in Russian]

[Keppen, 1837](#) – *Keppen, P.I.* (1837). Krymskii sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh [Crimean collection. On the antiquities of the Southern coast of Crimea and the Tauric mountains]. SPb: Imperatorskaya Akademiya Nauk. 409 p. [in Russian]

[Klyuchevskii, 1957](#) – *Klyuchevskii, V.O.* (1957). Sochineniya. T. 2: Kurs russkoi istorii. Ch. 2 [Works. Vol. 2: Course of Russian history. Part 2]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 470 p. [in Russian]

[Kovalevskii, 1905](#) – *Kovalevskii, M.M.* (1905). K rannei istorii Azova: Venetsianskaya i genuezskaya kolonii v Tane v XIV veke [On the Early History of Azov: Venetian and Genoese Colonies in Tana in the 14th century]. *Trudy XII arkheologicheskogo s"ezda*. M. 2: 109-174. [in Russian]

[Markov, 2008](#) – *Markov, A.K.* (2008). Monety dzhuchidov: Zolotaya Orda, tatarskie khanstva [Coins of the Jochids: the Golden Horde and Tatar khanates]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 120 p. [in Russian]

[Murzakevich, 1837](#) – *Murzakevich, N.N.* (1837). Istoriya genuezskikh poselenii v Krymu [History of the Genoese settlements in Crimea]. Odessa: Gorodskaya tipografiya. 91 p. [in Russian]

[Murzakevich, 1853](#) – *Murzakevich, N.N.* (1853). Genuezskie konsuly goroda Kaffy [The Genoese Consuls of the City of Caffa]. *ZOOID*. 3: 552-558. [in Russian]

[Nabiev, 2012](#) – *Nabiev, R.F.* (2012). *Ekonomika Imperii Dzhuchidov XIV veka (rastsvet Zolotoi Ordy)* [The economy of the Jochid Empire in the 14th century (the flourishing of the Golden Horde)]. Saarbrücken: LAP. 256 p. [in Russian]

[Nabiev, 2014](#) – *Nabiev, R.F.* (2014). *Gosudarstvo Dzhuchidov v XIV veke: problemy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya* [The Jochid State in the 14th century: problems of political and economic development]: diss. ... d-ra ist. nauk. Kazan'. 619 p. [in Russian]

[Sablukov, 1844](#) – *Sablukov, G.S.* (1844). *Monety Zolotoi Ordy* [Coins of the Golden Horde]. *Saratovskie gubernskie vedomosti*. 2–3 (8–15.01). [in Russian]

[Sablukov, 1895](#) – *Sablukov, G.S.* (1895). *Ocherk vnutrennego sostoyaniya Kipchakskogo tsarstva* [Essay on the Internal State of the Kipchak Kingdom]. 2nd ed. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. 60 p. [in Russian]

[Savelev, 1858](#) – *Savelev, P.S.* (1858). *Monety Dzhuchidov, Dzhelairidov i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha* [Coins of the Juchids, Jalayirids and Others Circulating in the Golden Horde in the Epoch of Tokhtamysh]. *TVOIAO*. Ch. 3. SPb. Pp. 203-528. [in Russian]

[Savelev, 1865](#) – *Savelev, P.S.* (1865). *Monety dzhuchidskie, dzhagatayskie, dzhelairidskie i drugie, obrashchavshiesya v Zolotoi Orde v epokhu Tokhtamysha* [Jochid, Chaghatayid, Jalayirid and Other Coins Circulating in the Golden Horde in the Epoch of Tokhtamysh]. SPb: Tipografiya A. Transhelya. 326 p. [in Russian]

[Solov'ev, 1960](#) – *Solov'ev, S.M.* (1960). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremyon* [History of Russia from the earliest times]. Book II. Vols. 3–4. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekon. lit. 784 p. [in Russian]

[Tizengauzen, 1884](#) – *Tizengauzen, V.G.* (1884). *SMIZO*. T. 1: *Iz vlecheniya iz sochinenii arabskikh* [Medieval materials on the history of the Golden Horde. Vol. 1: extracts from Arabic works]. SPb: IAN. 564 p. [in Russian]

[Tizengauzen, 1941](#) – *Tizengauzen, V.G.* (1941). *SMIZO*. T. 2: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevich i S.L. Volinyam* [Medieval materials on the history of the Golden Horde. Vol. 2: extracts from Persian works, collected by V.G. Tizengauzen and ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. M.; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 308 p. [in Russian]

[Valeev i dr., 2025](#) – *Valeev, R.M., Valeev, R.M., Valeeva, R.Z., Kirillina, S.A., Rakhimova, Ya.R.* (2025). *G.S. Sablukov i ego vklad v izuchenie zolotoordynskogo naslediya* [G.S. Sablukov and His Contribution to the Study of the Golden Horde Heritage]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei*. 2: 349-366. [in Russian]

Политическая экономия Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в.

Нуртас Т. Абдимомынов ^a, Дукен Масимханулы ^b, Айнур Абиденкызы ^b, Болатбек Ш. Батырхан ^{c, *}

^a Международнй университет информационных технологий (МУИТ), Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу эволюции представлений о политической экономии Золотой Орды в российской историографии XIX – начала XX в. Цель статьи – реконструировать и систематизировать дореволюционные интерпретации ключевых институтов политической экономики Орды (система дани и налогов, монетное дело, транзитная торговля), а также выявить их методологические основы. Источниковую базу составляют труды историков государственно-исторической традиции (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и др.), востоковедов и источниковедов (И.Н. Березин, Г.С. Саблуков, В.Г. Тизенгаузен и др.), представителей нумизматико-археологического направления в российском востоковедении (Х.М. Френ, В.В. Григорьев, П.С. Савельев, А.К. Марков и др.), а также авторов генуэзско-венецианской историографической линии (П.И. Кешпен, Н.Н. Мурзакевич, М.М. Ковалевский и др.). Показано, что в рамках этих четырёх направлений российские авторы последовательно исследовали налоговые-даннические практики Орды, механизмы денежного обращения, регулирование торговли и таможенные режимы, а также структуру и динамику трансевразийского транзита. Тем самым политико-экономическое измерение Золотой Орды осмыслялось не в рамках единой исследовательской линии, а через совокупность взаимодополняющих подходов. Доказано, что, несмотря на отсутствие целостной модели экономической рациональности Золотой Орды, дореволюционные авторы заложили прочный эмпирико-источниковедческий фундамент, вводя в научный оборот и систематизируя ярлыки, восточные нарративные источники, акты генуэзских и венецианских факторий, монетные серии и нумизматические данные.

Ключевые слова: Золотая Орда, политическая история, Российская историография, татаро-монгольское иго, данническая система, востоковедение, нумизматика, черноморская торговля.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bolat-z90h@list.ru (Б.Ш. Батырхан)